

ального мира антропология стремится заменить методы естественных наук герменевтическим или интерпретативным методами, тем самым стремясь занять место «теории когнитивной способности» (Л.Хули, Р.Эллен). Позиция исследователя в антропологии является влияющей не только на интерпретацию наблюдаемых фактов, но и на поведение исследуемых личностей и сообщества, что побуждает американских антропологов защищать «методологию диалектического диалога» и «диалектического взаимодействия между исследователем и его субъектами и предметом» (П.Дайнер и Э.Робкин), ибо социальный мир не есть реально объективный мир, внешний человеку в том же смысле, как и любые другие объективно существующие предметы реальности.

Р.Рорти доказывает, что «интерпретация человечества, как противопоставленного природному миру, начинается с постулирования того, что человеческую экзистенцию конституирует сеть значений. Однако любое дерево в лесу – феномен сугубо природный, будет источником тепла, если человек нуждается в тепле, либо предметом эстетического наслаждения, если человек намерен полюбоваться природой, либо обретает любое иное утилитарное значение – в зависимости от человеческого к нему отношения. Абсолютно все конституировано сетью значений. Способность человека создавать символы и придавать событиям и предметам символическое значение выдвигается Л.А.Уайтом на место ведущей характеристики сущности. Сознание никогда не копирует просто физические или социальные факты, оно, скорее, связано с их конституированием в некотором комплексе и, следовательно, лингвистически опосредует социокультурный познавательный процесс.

С.В.Палымова

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КРИТЕРИЕВ НАУЧНОСТИ

Изменение критериев научности – закономерный, объективный, непрерывно протекающий процесс. Изменениям подвержены не только фактологическое содержание науки, но и критерии научности, типы рациональности. Это верно, на наш взгляд, как для какой-либо конкретной науки, так и для науки, рассматриваемой как совокупность естественных наук.

В любой конкретной науке всегда можно найти идеи, утверждения, даже теории, которые бы не вписывались в актуальный критерий научности, а потому считались либо парадоксами, либо безумными, либо ненаучными и соответственно либо замалчивались, либо существовали на правах курьеза, либо вызвали активное неприятие и стремление уничтожить их.

К XVII веку аристотелевская система знаний, преобразованная и приспособленная христианами ортодоксами, представляла собой совершенную, хорошо организованную, целостную систему, которая могла без ущерба для себя впитать различные гипотезы, даже теории. Для этого следовало обратиться к текстам апологетов, содержащим все возможные знания, и найти в них подходящие мнения, цитаты. Схоластическая иерархия ценностей пренебрегала новым знанием, тем более знанием, полученным эмпирическим путем. Знания и открытия, полученные «презренными эмпириками», не существовали для официальной науки.

© С.В.Палымова, 1998

Авторитет как критерий научности был настолько силен, что ученый должен был искать аналогии и подобию своему отказу от традиционного образа мыслей в прошлом. Современность толковалась как продолжение, отражение и возвращение к высокому идеалам античности. Идея и концепции, не вписывающиеся в русло традиционного образа мыслей, в рамках сложившегося критерия научности, должны были находить оправдание своего существования поиском корней в античном наследии.

Николай Коперник в предисловии к «*De revolutionibus*» писал, что он специально перечитал все доступные ему сочинения древних, чтобы найти высказывания о том, что движения небесных тел не таковы, какими их изображает школьная, официальная наука. Он нашел свидетельства Цицерона и Плутарха, что Гикет, Филолай, Гераклит Понтийский, ученики Пифагора и Платона, высказывали мнение о подвижности Земли.

Теория Коперника резко противоречила аристотелевской теоретической системе. Она существовала на правах гипотезы, отдельно от официальной науки, замалчивалась и стала теоретическим фактом, требующим повышенного внимания, только со времени выхода в свет в 1610 году «Звездного вестника», описывающего открытия, совершенные Галилеем с помощью телескопа. Наблюдения Галилея потому и произвели такое колоссальное впечатление, что они были эмпирическим фактом, подтвердившим теорию Коперника. Схоластический аристотелизм должен был либо опровергнуть факты наблюдений и выводы, вытекающие из этих фактов, либо дать им свое истолкование. Галилей рассматривал свои открытия как подтверждение теории Коперника, но фактами они становились только в контексте борьбы двух мировоззрений. Борьба Галилея и перипатетиков – это, по сути, не борьба авторитета и фактов, а противостояние устоявшейся, целостной, строгой системы и знания, которое может быть истолковано двояко. Первые попытки опровергнуть Галилея были сделаны по привычной схеме – с помощью авторитета. Философы отказались смотреть в телескоп, не верили ему и глазам своим, т.к. последние противоречили учению Аристотеля. И существование спутников Юпитера стало фактом только после того, как Галилей в результате сложных математических вычислений смог установить приближительные периоды обращения Медисейских планет. В полемике с Шейнером о природе солнечных пятен только математические расчеты доказали правоту Галилея.

К началу XVII века физика схоластического аристотелизма имела статус непосредственной эмпирической очевидности, а теория Коперника представлялась спекулятивно – математическим парадоксом. Галилея отличало не то, что он был сторонником наблюдений и эмпирии, а исключительное конструктивное воображение, позволившее ему связать данные наблюдений с принципами и законами механики, связать в единое целое становящуюся теоретическую систему. Галилеевы наблюдения были теоретичными, а эксперименты идеализированными. Непосредственный чувственный опыт не имел для Галилея статуса критерия истинности. Эмпирические факты, чтобы иметь полную убедительность, должны быть включены в теорию и связаны между собой, должны образовывать целостную картину.

Для средневековой официальной науки было свойственно мышление, основанное на непосредственном чувственном опыте и устойчивой достоверности авторитета, мышление ясное и четкое. Оно не допускало двойственности, мно-

гозначности, неопределенности. Оно зиждилось на вере в постоянство, единство, неизменность. Вера направляла знание, служила ему критерием, основанием. Коперниковский переворот, совершенный Галилеем, заключался в том, что не факты истолковывались и выстраивались в готовую теорию, а теория строилась на фактах, истолкованных на основе принципов, которые, в свою очередь, служат основанием этой теории. В «Послании к Инголи» Галилей писал, что факты (как абсолютные) не могут быть ни истинными, ни ложными, они доказательны в одной теоретической системе и бездоказательны в другой.

В дискуссии, в диалоге, в рассмотрении и сравнении двух возможных теоретических систем вырабатывались приемы исследований, формировался, посредством преобразования традиционного, предмет новой науки. Галилей при ином подходе к процедуре наблюдения и эксперимента, в сущности, разрабатывал новый научный метод в процессе построения теории на принципах гипотетизма, соответствия, всеобщности и т.д. Статичный, конкретный и понятный старый предмет науки был заменен новым теоретичным, идеализированным предметом.

Если обратиться к науке XX века, то складывается следующая картина. Статус абсолютного авторитета, носителя истины в последней инстанции наука получила в результате естественно-научных открытий XIX века. Научная революция конца XIX века создала образ подлинной науки как объективной, беспристрастной науки, характеризующейся высокой степенью рациональности. В это же время установились и жесткие требования к языку науки, к форме изложения научных исследований, которые соответствовали, по существу, критериям рациональности. Условием формирования критериев научности, а также появления запретов на слишком общие, абстрактные метафизические рассуждения послужило разделение наук на положительные и спекулятивные. Поэтому каждое проявление антропоморфизма или внелогических, внепарадигмальных научных вкраплений в содержание научного знания на фоне стремления науки к объективной познания и обращения к объективному и закономерному в природе, ставило работу за рамки науки. И хотя всегда существовали отдельные ученые и даже течения в науке, которые основывались на других, отличных от общепризнанных ценностно нагруженных системах, но критерием научности были беспристрастность, объективность и рациональность.

В настоящее время такой образ науки вызывает сомнения. Многочисленные работы последних лет утверждают социокультурную зависимость содержания и формы теоретического знания, его социальную обусловленность. Сейчас внутри самого языка науки появляются образования, которые раньше считались чуждыми науке, мистическими, ненаучными.

Примером подобных парадоксов, не соответствующих действующему критерию научности, в теоретической физике может служить идея квантовых скачков электрона в постулатах Бора или вероятностная интерпретация Борна. Присутствие подчеркнuto нефизических и ненаучных компонентов в теоретическом рассуждении становится характерным для современной теоретической физики¹.

¹ Боровиков А.М. и др. На пути к теоретической геологии // *Вопр. философии*. — 1976. № 3.

Чаще всего введение нефизических компонентов в физические теории является результатом попыток создания наиболее общих фундаментальных физических теорий. Также и введение сознания в физические теории обуславливается либо поиском путей построения теории, которая «все описывает», либо поиском решений конкретной задачи внутри теории, либо попыткой изменить экспериментальные возможности теории.

Итак, дать четкое и всеобъемлющее определение науки, на наш взгляд, невозможно. Как невозможно задать критерии научности списочным порядком. То, что в данный момент времени не вписывается в рамки науки и трактуется как включение в науку иррационального и даже мистического, завтра может оказаться очевидным, не требующим доказательств научности. Часто граница между научным и ненаучным оказывается тонкой, неопределенной.

С.Ю.Уколов

ПОНЯТИЕ ЧИСТОЙ ЛОГИКИ Э.ГУССЕРЛЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ К.ПОППЕРА

1. То, что логика является отчасти наукой о доказательствах, доказательства логических положений внутри самой логики подвергает опасности превращения в порочный круг. Хорошей иллюстрацией к этому могут служить попытки обосновать в рамках традиционной логики положения аристотелевской силлогистики при помощи тех или иных вариантов принципа «*Dictum de omnium et nullum*». Все эти попытки оказались неудовлетворительными либо в силу предвосхищения основания в доказательстве, либо в силу невозможности обосновать все положения силлогистики (например, нет возможности применить этот принцип в том виде, как он здесь сформулирован, к модусу ОАО 3 фигуры).

2. Трудности, возникающие при доказательстве логических положений внутри логики, привели к формированию двух противоположных типов построения логики как науки. Первый – обоснования положений логики в рамках других наук (например, психологизм). Логика здесь как бы убегает сама от себя. Второй – представление логики как набора самоочевидных, но слабо связанных друг с другом положений. Примером здесь может служить школьная схоластическая логика с ее специальными мнемотехническими приемами запоминания правильных модусов силлогизмов или способов сведения к первой фигуре модусов всех остальных фигур. Логика, которая избегала бы этих двух крайностей и была бы построена как демонстративная наука со своей собственной предметной областью, Э.Гуссерль называл «чистой логикой»¹. Правда, у Гуссерля речь идет о возможности и путях построения такой науки. Я хотел бы обратить внимание на один аспект проблемы возможности чистой логики, а именно: отделение логики от психологии.

3. По Гуссерлю, невыводимость логики из психологии основана на том факте, что положения психологии обоснованы индуктивными умозаключениями из эм-

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Ч.1. — СПб, 1909.